

При произнесении слова «хлеб» в моей памяти всплывают лозунги советского периода: «Хлеб — всему голова», «Будет хлеб — будет и песня», «Хлеб — имя существительное», — и название книги «Ташкент — город хлебный», прочитанной в детстве и оставившей в моей душе глубокое впечатление.

Класса с третьего или с четвёртого моей домашней обязанностью стало ежедневное обеспечение семьи хлебом. Утром я получал из рук мамы рубль, бумажный или металлический, на который мне необходимо было купить и принести домой три буханки хлеба. Хлеб в райцентре выпекали и, соответственно, продавали трёх сортов: «белый» по двадцать восемь копеек за буханку, «серый» по восемнадцать копеек за буханку и «чёрный» по шестнадцать копеек за буханку. При обеспечении семьи предпочтение отдавалось хлебу «белому», и лишь в исключительных случаях, когда «белого» хлеба по какой-то причине не было, в порядке очерёдности происходила покупка хлеба «серого» или хлеба «чёрного». Такая диспозиция-обязанность сохранялась у меня все мои школьные годы: летом я ездил за хлебом на велосипеде, во время учебного года покупал хлеб, возвращаясь со школьных занятий.

Возвращаясь к началу, хочу заметить, что лозунги тех времён не были пустым звуком, хлеб для многих семей был реально основой пропитания и подходил ко всем блюдам, вернее, все блюда подходили к нему, а изысканным блюдом летнего каникулярного периода была краюха хлеба, намазанная сливочным маслом и посыпанная сверху сахаром-песком. Это нехитрое, но счастливое сочетание жиров, белков и углеводов позволяло подростку быть целый длинный летний день в отличной спортивной форме, бегая, прыгая, играя в различные игры, купаясь и плавая в речке. Если же речь шла о пастьбе скота, то к хлебу с маслом и сахаром добавлялась пол-литровая стеклянная бутылка молока, в которой, если её весь день носить за спиной в рюкзаке, к вечеру в самом горлышке появлялась, сбивалась небольшая, но вкуснейшая порция сливочного масла.

Если же от лозунгов того времени перейти к товарно-денежным отношениям, то рубль, бумажный или металлический, представлял для меня в детстве и отрочестве довольно значительную ценность. Кроме ежедневного пропитания

семьи, состоявшей из пяти человек (мать, отец и трое детей), хлебом, работал и фактор сравнения, поскольку один поход в кино, которое в те баснословные годы было важнейшим из искусств, на дневной сеанс стоил пять копеек. И, стало быть, на один рубль можно было посмотреть целых двадцать кинофильмов, значительно расширив свой кругозор и получив много тем для общения со сверстниками.

В десятом классе мне довелось взглянуть на товарно-денежные отношения и на хлебный вопрос с несколько неожиданной стороны. В ноябре месяце председатель районного совета ДСО «Урожай» по фамилии Дурандин командировал меня вместе со старшим товарищем по фамилии Бычков в Красноярск на краевые соревнования среди сельских шахматистов. Жили мы в гостинице «Спорт», бывшей частью Центрального стадиона, расположенного на острове Отдыха, играли в шахматном клубе, являвшемся структурным подразделением того же самого стадиона. А вот столовались (отоваривали талоны) в столовой гостиницы «Дом колхозника», располагавшейся в то время на месте нынешнего сквера имени Сурикова. Впервые мне довелось столкнуться с ситуацией, когда мой старший товарищ по шахматным баталиям не платил за хлеб, брал его столько, сколько душе угодно, и ел с удовольствием. Оказалось, что он застал период хрущёвской «оттепели», совмещённой с освоением целинных и залежных земель. Тогда на предприятиях общепита нашей большой, можно даже сказать — огромной и необъятной, страны хлеб был бесплатным. И любой человек, в кармане которого имелось пять-шесть копеек, мог прийти в столовую, заплатить за пару стаканов чая с сахаром, набрать «бесплатного» хлеба, намазать его стоявшим на каждом столике «профсоюзным маслом», так величалась в то время горчица, и утолить имеющийся голод. Признаться, меня это своеобразное и своевольное продление хрущёвской «оттепели» на ноябрь 1971 года не вдохновило и не прельстило, мой опыт каждодневного снабжения семьи хлебом в условиях товарно-денежных отношений настраивал меня на другой лад, но так вышло, что я сам спустя почти семь лет оказался в подобной ситуации.

Случилось это во время прохождения мною срочной службы в селении Коченево Новосибирской области. Срок службы приближался к середине, но приближался очень медленно, и порой мне казалось, что время остановилось и моя ратная служба будет продолжаться ещё очень и очень долго. И вот в один

из летних вечеров 1978 года, наполненных тягостными раздумьями о смысле бытия, о ратной службе, которая не казалась мёдом, о забавных и не очень забавных примочках-афоризмах «стариков» вроде «Молодые совсем оборзели», предварявших обыкновенно какой-нибудь внеочередной «тренинг» с приседаниями и отжиманиями от пола, с подъёмами и отбоями за сорок пять секунд, ноги сами повели меня из казармы в солдатскую столовую. В столовой уже кипела работа по приготовлению к завтрашнему дню: наряд по кухне мыл посуду и полы, чистил картошку на завтра, а повар с шахматной фамилией Петросян что-то высчитывал и взвешивал на своих поварских весах. Ноги сами привели меня не к кухонному наряду, в котором и мне приходилось бывать много раз, а именно к повару. И я попросил у него не сахар, не сливочное масло, не тушёнку, не печенье и не конфеты, которые выдавали по праздничным дням, а буханку чёрного хлеба. Повар отнёсся с пониманием к моей просьбе и буханку чёрного хлеба, почти как во время хрущёвской «оттепели», мне выдал. Я вышел из солдатской столовой, дошёл до своей казармы и, стоя возле казармы, без сладкого чая и без «профсоюзного масла», без соли и без воды, без масла сливочного и без молока коровьего, что называется, в один присест съел эту буханку чёрного хлеба. Съел — и что-то во мне изменилось, словно бы я припал к матушке Земле и обрёл силы перед решительной схваткой с сильным и опасным соперником...